

КОНЕЦ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ИЛИ ЗИГЗАГ ИСТОРИИ*

“У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево и бедра его — медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах...” (Даниил 2; 32-35)

1. Глобальный мир и власть людей

1.

Человечество обитает сейчас на *краю времен*, на тектоническом разломе истории. Рубеж третьего тысячелетия — конец великой эпохи, длившейся немалый срок. И открывается горизонт иной, в сущности неведомой еще цивилизации. Диапазон оценок происходящего на планете весьма широк: от рутинной констатации окончания холодной войны и краха биполярного мира до амбициозного провозглашения конца истории. Мне думается, мы присутствуем при заключительных аккордах и сценах эпохи Большого Модерна, охватывающей двухтысячелетний период человеческой истории, и одновременно воочию лицезреем проблески новой эры социального Постмодерна.¹

* Александр Иванович Некlessа — заместитель директора Национального института развития Отделения экономики РАН, руководитель проекта Российского фонда фундаментальных исследований “Глобальное сообщество: изменение социальной парадигмы” (№97-06-80372). Глава написана в рамках проекта. © 1999, А.И.Некlessа.

¹ О состоянии современного мира как периода социального Постмодерна, впервые в *терминологическом* смысле, кажется, высказался в 1939 г. А. Тойнби, датируя этот исторический рубеж сначала временем после окончания первой мировой войны, а позже, в 40-е годы, даже семидесятью годами прошлого столетия. Тойнби связывал его, впрочем, с переходом от ориентации на локальное, национально-государственное мироустройство к политике, учитывающей общемировой характер политических процессов. См. *A. Toynbee. Study of History. Abridgement of Volumes I-VI by D.S. Sommervell. Oxford, 1947, p.39.* Подробнее о проблеме кризиса Нового времени и о различных версиях прочтения постсовременности (постмодерна) см. *R. Gwardini. Ende der Neuzeit. Leipzig. 1954; P. Drucker. The Landmarks of Tomorrow. N.-Y., 1957; A. Etzioni. The Active Society. A Theory of Social and Political Processes. N.-Y., 1968; C. Wright Mills. The Sociological Imagination. Harmondsworth, 1970; J. Baudrillard. La société de consommation. P., 1970; idem. In the Shadow of the Silent Majorities, or The End of the Social and Other Essays. N.-Y., 1983; Documenti su il Nuovo Medoevo. Milano, 1973. J-F. Lyotard. La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. P., 1979; idem. Le Differend. P., 1983; idem. The Postmodern Explained. Correspondence 1982-1985. Minneapolis-L., 1993; D. Bell. The Winding Passage. Essays and Sociological Journeys 1960-1980. Cambridge, Mass., 1980; H. Forster (ed). The Antiaesthetic: Essays on Postmodern Culture. Port Townsend, 1984; G. Vattino. La fine della modernità. Milano, 1985; Moderne oder Postmoderne? Zur Signatur des gegenwartigen Zeitalters. Hrsg. von P. Koslowski, R. Spaemann, R. Low. Weinheim, 1986; W. Welsch. Unsere postmoderne Moderne. Weinheim, 1987; “Postmodern” oder der Kampf um die Zukunft. Hrsg. von R. Kemper. Frankfurt a. M., 1988; A. Heller, F. Feher. The Postmodern Political Condition. Cambridge, 1988; D. Harvey. The Condition of Postmodernity. Inquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, 1989; F. Block. Postindustrial possibilities. A Critique of Economic Discourse. Berkeley-L.A., 1990; A. Giddens. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990; idem. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991; S. Pfohl. Welcome to the Parasite Cafe: Postmodernity as a Social Problem. – Social Problems, P., 1990, №4; S. Lash. Sociology of Postmodernism. L.-N.Y., 1990; idem et J. Friedman (eds.). Modernity and Identity. Oxford, 1992; M. Poster. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Cambridge, 1990; M. Rose. The Post-Modern and the Post-Industrial. A Critical Analysis. Cambridge, 1991; F. Jameson. Post-Modernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1991; M. Featherstone. Consumer Culture and Post-Modernism. L., 1991; T. Sakaya. The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future. N.-Y.-Tokyo, 1991; A. Touraine. Critique de la modernité. P., 1992; idem. Pourrons-nous vivre ensemble? Égaux et différents. P., 1997; E. Gellner. Postmodernism, Reason and Religion. L., 1992; Z. Bauman. Intimations of Postmodernity. L., 1992; S. Crook, J. Pakulski, M. Waters. Postmodernisation. Change in Advanced Society. L., 1992; B. Smart. Modern Conditions, Postmodern Controversies. L.-N.Y., 1992; idem. Postmodernity. L.-N.Y., 1996; P. Drucker. Post-Capitalist Society. N.-Y., 1993; idem. The Age of Discontinuity. Guidelines to our Changing Society. New Brunswick-L., 1994; idem. The New Realities. N.-Y., 1996; A. Callinicos. Against Postmodernism. A Marxist Critique. Cambridge, 1994; Z. Bauman. Intimations of Postmodernity. L.-N.Y., 1994; D. Lyon. Postmodernity. Minneapolis, 1994; B. S. Turner (ed.). Theories of Modernity and Postmodernity. L.-Thousand Oaks, 1995; H. Bertens. The Idea of the Postmodern: A History. L.-N.Y., 1995; K. Kumar. From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World. Oxford (UK)-Cambridge (Ma.), 1995; H. de Santis. Beyond Progress. An Interpretive Odyssey to the Future. Chicago-L., 1996; R. Inglehart. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997. Точка зрения автора по данному вопросу, понимающего под социальным Постмодерном период окончания Нового времени (Modernity), — а по большому счету и всей эпохи Большого Модерна (Modernus), — изложена в*

Мир Нового времени стремительно уходит в прошлое. Ветшают и рассыпаются его основополагающие институты: национально-государственная система международных отношений, международное право, базировавшееся на незыблемости национального суверенитета, классическая экономика, чей хозяйственный механизм, просуществовав не одно столетие, задвигается ныне в тень виртуальной неэкономикой финансовых технологий.

Кардинальные изменения претерпевает и сфера идеологии, и мировая культура... Под сомнением оказалась не только модель эволюционного обустройства мира — его *модернизация* — но, кажется, сама концепция прогресса.

2.

Положение, складывающееся на планете Земля, достаточно противоречиво. Глобальная трансформация пробуждает и стимулирует социальное творчество, идет интенсивный поиск новых общественных прописей и кодов власти. XX век уже был свидетелем взлета и падения мировых квазирелигий со своими неистовыми адептами и даже частичного воплощения порожденных ими утопий. Теперь не менее драматично развивается форсированная реализация неолиберального проекта, являющегося, в определенном смысле, наряду с коммунизмом и нацизмом, третьей “светской религией” столетия. И мы лишь у истоков новой мировой конструкции...

Глобализация социального ландшафта, однако, не привела к его унификации. Утопичным в конечном итоге оказался не только всемирный коммунистический проект, но и эгалитарный образ “глобальной деревни”.²

Национальные границы, если и утрачивают былую актуальность, то, размываясь, исчезают отнюдь не универсальным образом и не в планетарном масштабе. Процесс носит “послойный”, достаточно иерархичный характер. Иначе говоря, границы становятся прозрачнее для путешественников Севера, но более проблематичными для мигрантов Юга. Мировое гражданство, еще не родившись, оказалось ранжированным на классы.

Структура обновленной реальности, возводимого *глобального сообщества*, все теснее связывается с геоэкономическим размежеванием мира, формированием социально и культурно однородных “больших пространств”. В результате на месте прежней национально-государственной схемы членения человеческого универсума прорисовывается иная (причем потенциально не менее жесткая) система “социальных регионов”, социально-региональных рубежей.³

Распространение доминирующей цивилизации определило наступление момента истины для культур и регионов, оказавшихся на историческом распутье и вынужденных либо подчиниться господствующей тенденции (найдя в ее русле место под солнцем), либо попытаться предложить собственный оригинальный ответ на вызов времени и обстоятельств. Предпочтение, отдаваемое активной или пассивной стратегии, во

работах: *А. Неклесса*. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире (социально-экономический аспект). М., 1995; *он же*. Крах истории или контуры Нового мира? — *Мировая экономика и международные отношения*. 1995, №12; *он же*. Мир Модерна, мир Нового времени подходит к своему логическому концу. — *Рубежи*. 1997, №5; *он же*. Мир постмодерна, мир игры ломает горизонт истории. — *Рубежи*. 1997, №8-9; *он же*. Мир на краю истории, или Глобализация-2. — Москва. 1999, №4.

² *D. Bell*. Notes on the Post-Industrial Society. — *The Public Interest*. 1967, №6,7; *idem*. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973; *idem*. The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980; *idem*. The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences. — *Dissent*. Spring 1989, №2; *Z. Brzezinski*. America in the Technotronic Age. — *Encounter*. Vol. XXX, №1, Jan. 1968, p.16; *idem*. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y., 1970; *F. Fukuyama*. The End of History and the Last Man. N.Y., 1992; *P. Hawken, J. Ogilvy, P. Schwarz*. Seven Tomorrows. Seven Scenarios for the Eighties and Nineties. Toronto. 1982; *H. Kahn (et A. Wiener)*. The Year 2000 A Framework for Speculation on the next 33 Years. L., 1967; *idem*. Forces for Change in the Final Third of the Twentieth Century. N.-Y., 1970; *idem et A. Wiener W. Brown, L. Martell*. The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.Y., 1971; *idem*. World Economic Development 1979 and Beyond. Boulder (Col.), 1979; *idem et J. Simon*. Global 2000: Revisited. Oxford, 1984; *R.L. Katz*. The Information Society. An International Perspective. N.Y., 1988; *Y. Masuda*. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981; *H. McLuhan*. The Gutenberg Galaxy. Toronto, 1962; *idem et al.* City as Classroom. N.Y., 1977; *J. Nesbitt*. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y., 1982; *idem et P. Aburdene*. Re-inventing the Corporation. Transforming Your Job and Your Company for the New Information Society. N.Y., 1985. *idem et P. Aburdene*. Megatrends 2000. The New Directions for the 1990's. N.Y., 1990; *A. Toffler*. Future Shock. N.Y., 1970; *idem*. The Eco-Spasm. Toronto, 1975; *idem*. The Third Wave. N.Y., 1980; *idem*. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990.

³ Подробнее о геоэкономической системе координат современного мира см. *А. Неклесса*. “Российский проект” в мировой системе координат XXI века. — *Проблемы развития*. 1998, №1-2; *он же*. Пакс Экономикана: новое геоэкономическое мироустройство. — *Экономические стратегии*. 1999, №1; *он же*. Постсовременный мир в новой системе координат. — *Восток*. 1997, №2; *он же*. Эпilog истории. — *Восток*. 1998, №5; См. дискуссию вокруг предыдущей статьи с участием Э. Алаева, В. Белокриницкого, А. Воскресенского, Б. Ерасова, Л. Казаряна, В. Красильщикова, В. Кузнецова, В. Максименко, А. Панарина, В. Хороса, Г. Чуфрина, Г. Широкова, Ю. Шишкова в журнале “Восток” (1998, №1-2). См. также многочисленные публикации российского исследователя проблем геоэкономики Э. Кочетова.

многим предопределило появление феномена *тихоокеанской революции* у одной группы государств и сумятицу *потерянного десятилетия* для ряда других членов мирового сообщества.⁴

Глобализация, как видим, не ведет автоматически к развитию планетарной демократии. Действительно, в пределах национальных государств модернизация содействовала становлению равноправия и развитию гражданского общества. Однако на просторах мировой политики дела обстоят уже несколько иным образом.

3.

Современная глобальная архитектура явно строится по другим, нежели демократия, меркам. Так и остался манящим миражем — не сформировавшись ни как политическая реальность, ни как перспективный проект — образ универсального парламента людей, наделенных равным правом голоса. Напротив, на деле скорее происходит определенное умаление, падение авторитета широких политических форумов при параллельном усилении влияния более узких, элитарных сообществ.

Снижается в настоящее время вес ООН, ряд прерогатив которой фактически переходит к совещаниям “большой семерки”. А на европейском континенте представительная в региональном масштабе и придерживающаяся принципа равноправного членства ОБСЕ явно оттесняется от реальной политики гораздо более замкнутыми структурами НАТО, выстраивающими собственную композицию отношений с окружающим миром.

Происходит перераспределение властных полномочий от политических образований к экономическим центрам силы (наподобие МВФ или Мирового банка). Тут коррозия демократических институтов проявляется уже гораздо отчетливее. *Демократия как власть людей* уступает место новой форме правления в *экономистическом мире: неodemократии как власти денег*, манифестацией которой является привычный в рамках подобных организаций принцип принятия решений: один доллар — один голос. Однако эта “малость”, если вдуматься, содержит в себе глубочайший смысл, являясь, по сути, зачатком новой политической парадигмы.

На ее основе в мире под прикрытием демократической фразеологии (своего рода вынужденной дани порока добродетели) прочерчивается контур международного олигархического режима, предпочитающего действовать преимущественно с позиции силы, но используя адекватные времени средства. Родимые пятна подобного миропорядка зримо проявляются в североцентричной архитектуре социального космоса и иерархичности его многоярусной конструкции, в очевидном различии возможностей Севера и Юга защищать собственное видение реальности, свое понимание сути стоящих перед ними проблем...

Речь тут идет именно о неравноправии *влияния* на общественную перспективу и принимаемые международным сообществом решения, а не о социально-экономическом *состоянии* его членов, т.е. об органичной недемократичности глобального универсума, его, если так можно выразиться, сословности.

4.

Ярким, хотя и частным, подтверждением подобного положения вещей является тщетность и ничтожность результатов вроде бы многочисленных усилий по установлению нового экологического порядка. Несмотря на обилие представительных форумов и принимаемых громких деклараций, Юг просто не в состоянии утвердить как действующую норму такой тип международно-правовых отношений, который обеспечивал бы ему справедливую долю горной и биосферной ренты.

Ранее уже потерпели стратегическую неудачу, оставшись на уровне общих фраз, широко обсуждавшиеся схемы коррекции международного экономического порядка (включая такие его специфические реалии, как пресловутые “ножницы цен”), имевшие целью обеспечить более справедливое распределение мирового дохода.

Более того. Обозначившиеся пределы роста индустриальной цивилизации, нежелательная вероятность постепенного снижения привычных социальных стандартов существенно и порой весьма красноречиво меняют направление поиска ответа на поставленный историей вопрос о горизонтах общества Модерна, о его способности сохранять свои высокие принципы и идеалы.

Реакция данного общества на возникшую угрозу (от алармизма до эскапизма) болезненна, негативна и, пожалуй, неадекватна поверхностно прочитанной ситуации. Дело тут, по-видимому, не только в обостренной реакции изнеженного организма на внезапную опасность дискомфорта. Нет, здесь чудятся некие метафизические глубины вырвавшегося на поверхность страха. Словно бы оказался задетым глубинный нерв, подверглась испытанию заветная вера.

---

⁴ О стратегии структурной перестройки мирового хозяйства и судьбах Третьего мира на пороге XXI века точку зрения автора см. *А. Неклесса. Проблема глобального развития и место Африки в Новом мире. — Мировая экономика и международные отношения. 1995, №8; он же. Африканская перестройка. — Азия и Африка сегодня. 1997, №6; он же. Генезис и практика программ структурной перестройки. — Рубежи, 1997, №7.*

Так оно, впрочем, и есть. Связано это с присущей менталитету людей Нового времени органичной верой в роль экономического процветания как гаранта человеческой свободы. Границы мирского благополучия оказались подспудно отождествлены с мерой этой свободы. А развитие личности, ее статус — напрямую соотнесены с экономическим успехом. Поэтому-то угроза достигнутым стандартам процветания воспринимается как покушение на отвоеванное пространство, как размывание континента свободы окружающими его темными водами архаики.

Ergo: опасность краха основополагающих ценностей существует, и она должна быть предотвращена *любой* ценой. С этого момента либерализм начинает претерпевать знаменательные метаморфозы, все отчетливее демонстрируя нравственную глухоту. Распечатывая свои консервативные и радикальные потенции, он шаг за шагом также утрачивает и, казалось бы, органично присущую ему толерантность.

Ирония истории заключается в том, что граница, жестко разделявшая в прошлом западное общество от мира иных культур, оказалась размытой именно в результате глобального успеха процессов секуляризации и модернизации.⁵ В образовавшихся прорехах забрезжил образ то ли всемирного единения, то ли новой деспотии. Социальный горизонт распахнулся, и Мир Модерна вдруг ощутил себя островом, погружающимся в бескрайний, неведомый океан.

5.

Необходимость поддержания определенного стиля жизни, промышленной экспансии и массового характера производства лишь обостряет принципиальную аморальность *умножения искусственных потребностей* (в особенности престижного толка) у одной части человечества при невозможности удовлетворить *минимальные естественные* у другой. В доказательство резонности данного тезиса я просто сошлюсь на материалы двух недавних глобальных саммитов: Социального и Продовольственного, состоявшихся в Копенгагене и Риме в 1995 и 1996 годах.

Итог XX столетия, почувствовавшего вкус земного изобилия, в полной мере познавшего искус “позолоченного века”, — века научно-технического прорыва и интенсивнейшего развития производительных сил общества (впрочем, заметно деформированных молохом военного производства и высокоиндустриальных войн), — итог этот в общем и целом неутешителен. На пороге третьего тысячелетия современной цивилизации социальное расслоение на планете Земля все же не уменьшается, а растет. В значительной части стран, относимых к группе развивающихся, — по некоторым оценкам, более чем в сорока (в 44-х, если следовать расчетам Б.М. Болотина), — положение по сравнению с 1950 годом существенно не улучшается. Причем в двух с половиной десятках из них ситуация ухудшается. В то же время в четырнадцати других развивающихся странах на протяжении второй половины века имеет место интенсивнейшее развитие (сопровожаемое достаточно высокой экономической динамикой еще в 6 других странах).

Сейчас Третий мир, фактически, раскололся на весьма различные составные части: с одной стороны, племя энергичных “драконов” и “тигров”, с другой — совокупность нищих и дестабилизированных

---

⁵ Нынешний этап модернизации как бы повторяет в сжатом виде структурные черты европейской истории последнего тысячелетия, но уже в глобальном масштабе. Исторические вехи второго миллениума — распад государственной системы предшествовавшего периода и своеобразная “приватизация власти” (что нашло свое отражение в феномене кастелянства) на основе первой технологической (новая система и орудия с/х производства, механические источники энергии) и последующей аграрной революций (в современном мире ее аналогом, кажется, служит знаменитая “зеленая революция”). Трансформация, сопровождавшаяся демографическим, кадровым (безземельное рыцарство) и товарным взрывом в Европе. Затем последовали крестовые походы и эпоха географических открытий, а также связанные с ними торговая экспансия и колонизация; мутация привычных форм экономической практики и возникновение достаточно сложных схем денежно-финансового обращения. Наконец, — промышленная и социальная революции, по-своему завершившие второй тысячелетний круг истории современного мира. Становление европейского Модерна происходило в контексте обширного внешнего пространства, принимавшего волна за волной его экспансию, его избыточное население (неизбежное следствие сельскохозяйственного и промышленного развития) и одновременно поставлявшего материальные ресурсы для “котла прогресса”. Однако исторический успех модернизации предопределил практическое исчерпание этого “внешнего пространства”, а демографическая экспансия обрушивается сейчас из периферийных зон на “историческую родину” цивилизации Модерна, трансформируя прежнюю мировую картину в постмодернистскую эклектику. Возможно, однако, что именно препоны, воздвигнутые на пути нового переселения народов, одностороннее открытие границ более для товаров, чем для людей (т.е. поддержание национально-государственной и неорегиональной *сословности*) явились одним из факторов, затормозивших наступление последней прогнозируемой фазы “внутреннего кода” Модерна: *глобальной промышленной революции*. Наоборот, искусственное пролонгирование неравновесной ситуации (социально-экономического неравенства в планетарном масштабе), кажется, дало возможность развиваться и окрепнуть устойчивой североцентричной модели мирового разделения труда и перераспределения ресурсов. В рамках глобальной экономики получили критическое преимущество скорее оптимизационные хозяйственные схемы, а также масштабные торгово-финансовые комбинации, нежели процесс радикального преобразования и обновления производственных механизмов, предоставив таким образом современному обществу возможность взимать своеобразную ренту с социально-экономической неоднородности мира. В результате всех этих процессов перед человечеством открылись неведомые ранее социальные горизонты, и был, фактически, заложен фундамент новой исторической эпохи...

территорий Глубокого Юга. Кроме того, за последнее десятилетие на постсоветских просторах образовалась новая группа стран, частично сливающаяся с последней стратой. Общее же соотношение уровней доходов богатых и бедных, “золотого” и нищего миллиардов планеты стремительно увеличилось с 13:1 в 1960 г. до 60:1 в текущем, завершающем век десятилетия. А ведь по сравнению с серединой столетия совокупный объем потребления, по оценкам ООН, вырос приблизительно в 6 раз. Однако 86% его приходится сейчас на 1/5 часть населения, на остальные же 4/5 – оставшиеся 14%. Но и эти данные в полной мере не отражают весь драматизм ситуации.

Доля мирового дохода, остающаяся в распоряжении беднейшей части человечества, – а в настоящее время примерно 1,3 млрд. людей живут в условиях абсолютной нищеты, – еще на порядок ниже, составляя менее 1,5%. Это означает, что уровни дохода двух полярных, примерно равных по численности групп населения действительно разнятся в десятки раз. Таким образом, на планете помимо “большого социума” цивилизации североатлантической Ойкумены (хотя иной раз и на одних и тех же с ней территориях) присутствует некий ее темный двойник, “четвертый”, зазеркальный мир — архипелаг, населенный “голодным миллиардом”.

Каковы же условия жизни на этой второй Земле, какова структура существования на полях и в подземельях “темной планеты”? Около миллиарда людей в мире оторваны от производительного труда: 150 млн. — безработные, более 700 млн. — частично занятые, неопределенное число вовлечено в криминальную деятельность. Миллиард — неграмотны. Почти каждый третий житель Земли все еще не пользуется электричеством. Примерно 1,5 млрд. не имеют доступа к безопасным источникам питьевой воды, 2 млрд. прозябают в антисанитарных условиях, 840 млн., в том числе 200 млн. детей, голодают или страдают от недоедания. В бедных странах ежегодно умирают 14 млн. детей от излечимых болезней и 500 тыс. женщин от родов. Детская смертность в странах Юга в 50% случаев вызвана недостаточным питанием.

Особенно тяжелое положение сложилось в некоторых районах Южной Азии и Африканского континента. От хронического недоедания страдают 43% населения Африки к югу от Сахары. Средняя продолжительность жизни африканца редко превышает 50 лет. Число политических эмигрантов и жертв межэтнических конфликтов увеличилось с 8 млн. в конце 70-х годов до 23 млн. человек к середине 90-х. Еще 26 млн. человек являлись временными переселенцами. И число их продолжало расти.

Конечно, одиозность и нетерпимость положения — когда примерно 1/6 часть человечества, живущая в условиях “позолоченного века”, сосуществует с абсолютно обездоленным “голодным миллиардом” — не остаются без внимания и оценки. Информационная революция, соединив разноликие пространства в образ единого мира, одновременно сделала очевидным фактом — и в каком-то смысле частью нашей повседневности — резкое различие социальных стандартов на планете.

Несомненно также, что простых решений здесь быть не может. Однако именно неспособность общества реализовать (и даже внятно сформулировать) какую-либо более действенную и справедливую конфигурацию “обустройства планеты” лишний раз подтверждает глубинный характер кризиса. И, в частности, — нарастающее несоответствие сложившегося положения планам и проектам глобального демократического сообщества.

Вспомним, что в развивающихся странах проживает в настоящее время приблизительно 4/5 населения Земли и на их же долю приходится 94% его нынешнего прироста. В этих условиях перспектива универсальной реализации прав человека (равно как и прав народов) сталкивается с жесткой реальностью национального эгоизма, становясь, по меньшей мере, проблематичной. Проявляющаяся двойственность стандартов (наподобие той же двусмысленности миграционных процедур) не может, в свою очередь, не сказаться на внутренней целостности здания современной демократии, подрывая веру в ее основополагающие принципы, рождая законные сомнения в том, что объятия Свободы открыты всем без исключения.

6.

Что же в таком случае происходит на планете, и куда ведет обозначившийся ход событий? Развивающийся дым глобальной иллюзии вселенского единства и верховенства разума (столь характерной для оптимизма конца 80-х) в 90-е годы, кажется, обнажает весьма неприглядную действительность. Возрожденческо-просвещенческая версия гуманизма оставалась цветущим деревом, пока развивалась в определенном контексте. Но только сейчас, на пороге предельно секулярного, постхристианского мира ее дальние горизонты обнаруживают себя парадоксальнейшим образом: светский гуманизм начинает проявляться как антигуманное мировоззрение.

В пользу подобной точки зрения свидетельствует постепенная деградация столь же популярной, сколь и неопределенной концепции *устойчивого развития*. Интеллектуальная упрощенность и духовное убожество нынешнего состояния одного из основных постулатов актуальной мировой идеологии наглядно проявились в характерных метаморфозах, переживаемых ныне данной концепцией.

Ее содержание на практике свелось, с одной стороны, к общим экологическим декларациям, с другой — к утилитарному пакету слабо завуалированных предложений о стабилизации положения посредством “коррекции” численности населения планеты. Коррекции, проводимой с целью сохранить привычный уровень

комфорта, *соответствующий современным стандартам и достоинству человека.* (См., например, материалы Каирской конференции по народонаселению, осень 1994 г.)

Меры эти между тем начинают все больше походить на планы универсального геноцида бедняков, лишних людей (и нерожденных) как своеобразного *окончательного решения* демографического вопроса. Лично же мне подобная коллизия подозрительно напоминает сюжет одной английской баллады о добродетельном и рачительном епископе, пригласившем на пир нищих и калек, да и очистившем от “нахлебников” и изгоев землю, сжегши их.

7.

Итак, объединения мира на основе проекта христианской Ойкумены не произошло. Однако на планете в течение XX века складывается другой, энергичный и достаточно самостоятельный транснациональный космос, предлагающий миру собственную версию универсальности, его *глобализации* на основе альтернативного универсального принципа – безличного “мира денег”.

Происходящая трансформация практически всех сторон жизни ведет к становлению на планете принципиально новой социальной среды, новой формы организации социума, закладывая основы весьма *либерального*, но — сколь странным это ни покажется на первый взгляд — все же не вполне *демократического* сообщества. Глобализация социального пространства, в частности, заметно снижает возможности национальных государств (т.е., в идеале, общенародно избранных правительств) действительно влиять на те или иные тенденции и явления, особенно в сфере неправительственных транснациональных институтов. Происходит как бы плавная “приватизация социума”.

Либерализм эффективно разрушает властные ограничения свободы личности на национальном уровне. Однако нынешняя неолиберальная модель планетарных пропорций, не слишком афишируя свои намерения и действия, постепенно выстраивает на глобальных просторах собственную весьма специфичную властную конструкцию, явно ограничивающую возможности отдельных государств и обществ защищаться от гегемонии “новой универсальности” с использованием привычных национальных институтов и инструментов публичной политики.

Новый мир вполне либерален, когда дело касается разрушения национальных институтов власти, их “внутреннего” суверенитета, но он же, фактически, тоталитарен к попыткам *восстать*, восстановить суверенность, постепенно растворяемую в плавильном котле глобализма. Логика развития экономистического мира в конечном итоге отрицает как политический суверенитет государств, так и отдельные фундаментальные культурные принципы, если те входят в конфликт с унифицированными постулатами новой экономистической культуры.⁶ На первый взгляд в прямом противоречии с собственным либеральным генезисом претензии *нового глобализма* рискуют распространиться и на выражение внутреннего пространства личности. Они обозначают его формальные границы сводом правил обезличенной “политкорректности”, выводя, таким образом, запретные проявления человеческого духа сначала в маргинальную область, а затем формируя условия для возникновения нового андеграунда и катакомб.

8.

---

⁶ *То, что мирохозяйственный контекст базируется на определенной политической платформе, далеко не всегда очевидно просто в силу инерции и привычки к определенному порядку вещей. Однако рассмотрим один частный пример, касающийся экономики индустриально развитых стран. Представим на минуту, что политическая власть на планете принадлежала бы не промышленному Северу, а сырьевому Югу. Естественно предположить, что в таком случае югоцентричный мир быстро бы переоценил значение невозполнимых природных ресурсов, обязав промышленно развитые страны платить экологическую ренту и производя, таким образом, собственную “иокотерапию”, эффект которой значительно превзошел бы результаты, скажем, нефтяного кризиса 70-х годов. Действительно, промышленная экономика наносит биосфере Земли серьезный ущерб, но пока практически не несет ответственности за него. Кстати, правомерно было бы предположить, что подобная дополнительная нагрузка могла бы выявить практическую нерентабельность сложившейся на сегодняшний день формы производства, что в свою очередь быстро привело бы к системным изменениям в конструкции мирового хозяйства. Также и неолиберальная концептуалистика последовательно утверждает на планете вполне определенный нормативный контекст, благоприятствующий одному классу действий и инициатив (скажем, направленных на достижение финансовой глобализации) и запретительный для других. Иначе говоря, современный неолиберальный проект (не слишком отличаясь в этом отношении от других проектов мировых революций) вполне либерален, уничтожая чужую власть, и отчасти тоталитарен, утверждая свою. Плодотворен в этом отношении последовательный анализ монетаризма как операциональной теории данной идеологии, подготовляющей переход мировой экономики на рельсы “всеобщих” мировых денег. А также – конкретный анализ социально-экономических стратегий: политики структурной адаптации национальных организмов к глобальному организму, реализуемой на основе программ либерализации, приватизации и экспортной ориентации в условиях перманентной финансовой зависимости. В этих условиях представляют интерес первые трещины и деформации международного социополитического контекста в новой среде, балансирующей между центробежной, этноцентричной моделью контролируемого хаоса и набирающим силу феноменом “нового регионализма”.*

Фактическими субъектами новой структуры международных связей, наряду с традиционными национальными государствами, в настоящее время становятся “государства виртуальные”: разнообразные, достаточно автономные от национального контроля межгосударственные организмы и международные неправительственные организации, ТНК, банковско-финансовые сети и т. п. (Параллельно складываются гибкие трансрегиональные проекты криминальных и околокриминальных консорциумов, а также иные эклектичные объединения невнятного генезиса.) В общем и целом феномен этот никак нельзя считать однозначным.

Казалось бы, возможности и права граждан, освобожденные, в конце концов, от разнообразных форм “опеки” и контроля государства, заметно возрастают. Однако, если вдуматься, процесс этот в чем-то прямо противоположен движению к глобальному открытому обществу, стремлению обеспечить повсеместную прозрачность социальных институтов. Так, реальная, а не декларативная власть, будучи выведена за пределы публичной политики, зачастую оказывается обезличенной (а то и просто анонимной) и, следовательно, неподконтрольной гражданам.

В качестве действенных центров силы все чаще выступают разнообразные неформальные (порой весьма нетривиальные) конфигурации частного капитала, слабо поддающиеся общественному контролю и формирующие на планете собственный “финансово-экономический Интернет”. Экономика становится не просто способом хозяйствования, но и политикой, и даже идеологией нового мира, его новой властной системой координат. Реально складывающийся мировой порядок все более проявляет себя как **Rax Economicana**.

В этих условиях тривиальный факт несовпадения политических и экономических границ международных систем приобретает новое качество, заставляя задуматься над принципиально новой картографией геоэкономического атласа мира.

Меняется содержание современных силовых игр, нацеленных уже не на территориальные приобретения и даже не на завоевание хозяйственного потенциала соперника, но на “глобальное планирование и перераспределение ресурсов”, устойчивое изменение социально-политической и экономической конфигурации мира, утверждение в нем такого типа разделения труда, который обеспечивал бы постоянный доступ к определенным преимуществам и видам деятельности. Или отказ в таковом.

Мировые центры силы, включая транснациональные структуры, создают новое поколение рычагов воздействия, которые позволяют планомерно и эффективно влиять на обстоятельства, складывающиеся внутри той или иной страны, либо группы стран. Случается, что и вопреки воле местного населения.

9.

Механизм глобальной экономики, финансовой глобализации, эффективных “мировых денег” мог быть реализован лишь с появлением определенной технологической базы, прежде всего — революции в сфере информатики и коммуникаций. Информационные технологии между тем превратились в самостоятельную, динамично развивающуюся отрасль, особенно в области финансов, хотя и не только там.

Резко увеличивается потенциал влияния традиционных и тем более качественно обновленных СМИ, формирующих собственный субъективный мир, виртуальная реальность которого шире и старше собственно компьютерных технологий. Этот влиятельный посредник — *медиакосмос* — вклинивается между микро- и макрокосмосом, между индивидом и действительностью, присваивая себе исключительное право “первой ночи” на интерпретацию событий и на... *само событие*.

Обширный континент коммуникаций в значительной мере автономен от мира реального, и в то же время как бы параллелен ему. Аналогичным образом плоды познания, добытые человечеством, и “информационная реальность” (нередко представляющая мифологизированный слепок общества) отнюдь не тождественные понятия, и нам, наверно, сейчас даже трудно вообразить, насколько далеко они могут быть разведены.

Глобализация информационного пространства, его выход за пределы государственного и общественного контроля резко усиливает намечавшиеся и ранее тенденции, демонстрируя неведомые прежде возможности прямого общения и открытой манифестации индивидом разнообразных взглядов и устремлений. Но в том же феномене скрыт потенциал интенсивного, массового воздействия на мысли и эмоции населения планеты, целенаправленного распространения стереотипов поведения, утверждения социальных норм.

Возможности эти обращают информационное поле то в глобальный форум, то в лабиринт контактов и развлечений, в источник знаний или страну грез, многократно мультиплицированную и профанированную “землю обетованную”... Они таят в себе системный, кумулятивный эффект, доступный экономически состоятельным источникам влияния.

Новый уровень возможностей СМИ стимулируется также наметившимся синтезом шоу-бизнеса, технологий рекламы и публичной политики...

Глобализация и демократизация, повторюсь, отнюдь не две стороны одного процесса, как полагают многие. Глобализация и сопутствующая ей модернизация, действительно устраняя одни препоны демократии, одновременно порождают новые, во многом неопознанные еще угрозы.

И все-таки, какова судьба демократии в этом мире? Ведь век XX (как упоминалось выше) был веком крушения разнообразных тоталитарных режимов, прямо отвергавших саму идею равного доступа людей к власти. Новое время, кажется, было уникальным периодом последовательного восхождения индивида к свободе, гражданскому обществу, открытому для реализации личности. Само понятие *нового времени* не в последнюю очередь связано с новой концепцией самого времени (*осевое время*) как исторического феномена, являющегося манифестацией этой свободы, ее зримым выражением (столь радикально отличным от концепции *замкнутого времени*, неперменного атрибута традиционного общества).

Торжество Нового времени, всемирная экспансия модернизации, а соответственно, и связанных с ней институтов: национального государства, частной собственности и — демократии, сопровождалась подавлением осколков традиционного общества с его сословными и авторитарными структурами.

Впрочем, сама демократия проделала значительный путь от “условной демократии” рабовладельческих античных полисов, пройдя уже в “наше время” через тернии американской демократии конца XVIII века (утверждавшейся параллельно с геноцидом коренного населения), демократии первой половины XIX века (сосуществовавшей с институтом рабства чернокожего человека), да и сквозь огонь и воду демократии века XX, обладающей собственным набором неприглядных черт... Демократия — это тонкий баланс между индивидом и обществом, гармоничный союз между свободой и ответственностью.

Но вот на пороге века XXI миру наконец-то показалось, что баланс найден, препоны уничтожены, гармония установлена, и Мирской Град обрел прочный фундамент. Раздалось заветное: “Остановись мгновенье. Ты прекрасно!”. Был провозглашен конец истории. И тут мир, как пресловутый колосс... рухнул.

В 90-е годы различные интеллектуальные и духовные лидеры, влиятельные общественные фигуры от Збигнева Бжезинского до Сэмюэля Хантингтона, от папы Иоанна Павла II до современного “алхимика” Джорджа Сороса заговорили о наступлении периода глобальной смуты, о грядущем столкновении цивилизаций, о движении мира к новому тоталитаризму или неосредневековью, о реальной угрозе демократии со стороны неограниченного в своем “беспределе” либерализма и рыночной стихии...⁷

Идет глубокая переоценка ситуации, складывающейся на планете, пересмотр актуальных по сей день концептов и предлагавшихся ранее прогнозов, их ревизия в русле неклассических, радикальных, эсхатологических, фундаменталистских и принципиально новых мировоззренческих позиций. Рассматриваются сценарии контрастности мобилизационных проектов, господства постхристианских и восточных цивилизационных моделей, вероятность глобального финансово-экономического краха с последующим радикальным изменением основ современного миропорядка; изучаются перспективы грядущей универсальной децентрализации либо геоэкономической реструктуризации мирового сообщества.

Зримо проявилась вероятность глобальной альтернативы цивилизационному процессу — выхода на поверхность и легитимации “мирового андеграунда”, возможность распечатывания запретных кодов мира антиистории, освобождения социального хаоса, последовательной деградации человека и неоархаизации общества.

Свобода — трудный дар, ее удержание скорее есть мера развития личности, чем проблема индивидуальных прав. Гражданское общество, отделенное от общества духовного, склонно к апостасии и торжеству своеволия как меры освобождения страстей. Творческий талант, естественно сопутствующий свободе, способен вложить в руки страстных натур могучие, изощренные инструменты, служащие, в конечном итоге, еще большему закабалению индивида.

Таким образом, достигнув пика бытия, человечество обнаружило *по ту его сторону* крутой скат и внизу — контуры нового, странного Мира Постмодерна, ломающего горизонт истории. Волна социальной энтропии, распространяющаяся по планете, растворяет привычный контекст. Вектор истории не застыл, но расщепился. Общая история, понимаемая как совместная судьба и устремленность людей, уходит в песок

⁷ I. Wallerstein. *Capitalist Civilization*. Binghampton, 1992; Z. Brzezinski. *Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21 century*. N.Y., 1993; *idem*. *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. N.Y., 1997; P. Kennedy. *Preparing for the Twenty-First Century*. N.Y., 1993; S. Huntington. *The Clash of Civilizations*. — *Foreign Affairs*. N72 Summer 1993; *idem*. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y., 1996. В XI энциклике папы Римского Иоанна Павла II “Евангелие жизни” (март 1995) современная западная цивилизация подверглась интенсивной и суровой критике как колыбель специфической “культуры смерти”. Эти государства, заявляет, в частности, Иоанн Павел II “изменили своим демократическим принципам и движутся к тоталитаризму, а демократия стала всего лишь мифом и прикрытием безнравственности”. (Окружное послание *Evangelium Vitae* папы Иоанна Павла II О ценности и нерушимости человеческой жизни. Париж-Москва, 1997). См. также Дж. Сорос. Свобода и ее границы. — *Московские новости*. 1997, №8 (вариант статьи “Капиталистическая угроза”, первоначально опубликованной в том же году в февральском номере американского журнала *Atlantic Monthly*). См. также его последнюю работу: G. Soros. *The Crises of Global Capitalism*. *Open Society Endangered*. N.-Y., 1998.

разбитого на мириады осколков лика времени. На месте же расколотого образа возникает безликий, но яркий коллаж культур и изошренный лабиринт индивидуальных проектов.

В новой социальной среде водоворот анонимной власти постепенно устраняет “конструктивизм” общественных институтов. Уводя человека в мир игры и иллюзии, он все более умалывает *реальные* потенции контроля над *действительными* событиями, сужает саму возможность их распознавания. Одновременно эта драматичная вселенная воля и душ людей предоставляет неведомую ранее свободу самореализации человека, создавая для него персональную ситуацию момента истины и ультимативного выбора. Выбора между вероятностью антропологической катастрофы в постсоциальном мире и попыткой восстановления своей серьезно уязвленной природы.

II. Мирской град: творение и разрушение

1.

Живя на разломе исторических эпох, мы вряд ли ясно представляем всю его головокружительную глубину. Тем более скрыт от нас за горизонтом времени истинный облик Града будущего. Значительная часть сегодняшних рассуждений на эту тему окажется, скорее всего, досужими домыслами или, в лучшем случае, — миражем, кривым зеркалом, искажающим невидимый ландшафт.

Но размышления о данном предмете все же не совсем бесплодны. Да и неизбежны они. Чем более грозные знаки прочитываются в окружающем мире, тем настойчивее наши попытки заглянуть за горизонт, прорвать полупрозрачную пелену времени. И то, что удастся узреть сквозь прорехи, еще сильнее подогревает любопытство.

Так или иначе, все мы ощущаем драматизм эпохи. Недаром стала популярной китайская поговорка-проклятье: “Жить тебе в интересное время”. (А параллельно всплыло и прямо противоположное: тютчевское “Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...”) Впрочем, иногда кажется, что люди чуть ли не всех времен и народов, даже прозябая в полном историческом вакууме, в глубине души полагали: именно их эпоха — отмеченная *личным* присутствием — уникальна и необычна. И, лишь серьезно разочаровавшись в настоящем, — создавали поражающие воображение сказания о легендарных временах либо недостижимых местах, воплощая гложущую сердце Утопию. Однако степень удивительности нашего времени, судя по всему, начинает действительно превосходить все мыслимые ожидания.

В близящемся к концу столетия мир подошел к некоему кардинальному рубежу, за которым история, по-видимому, круто меняет свое русло. Доминирующая цивилизация достигла пика могущества, став глобальной, но она же — переживает настоящую духовную катастрофу. Христианская культура, живой источник данной суперцивилизации, последовательно уступает место новым реалиям, другим формам организации сознания. Поистине, события, меняющие мир, проходят в него через потрясение ума и души...

Существует исторический порог, который когда-то преодолело человечество. Он связан с началом новой, христианской эры, ставшей именно “модерном” по отношению к миру традиционному. В этой точке как бы переломилось течение истории. Прежний контур социального времени фактически носил циклообразный, “закрытый” характер (хотя и там можно выделить свои эпохи: древнего мира городов-государств, великих империй...).

Однако история в ее современном понимании все же тысячью нитей — явно и скрытно, прямо и опосредованно — связана именно с христианской культурой, с внесением некоего *смысла* в поток времени. Общество, возникшее на берегах этой могучей реки, называлось по-разному: христианская или европейская цивилизация, или просто цивилизация, или еще проще — Запад. Впрочем, в движении имен всегда заложен внутренний смысл.

2.

Чем же таким особенным отличалось христианское общество от предшествовавшего ему традиционного? Откуда взялись поразительные творческие возможности, позволившие за сравнительно недолгий исторический срок преодолеть “скудные времена”, полностью преобразовав стиль жизни человека и облик планеты? А разница, в сущности, заключалась в том, что в мире возникла свободная человеческая личность. Свободная от дурной бесконечности ранжированного бытия и норм поведения, расписанных до мелочей (вспомним терзания Гамлета, разрываемого между освященной веками обязанностью мстить и протестом души, почувствовавшей простор свободы).

В традиционном обществе человек фактически не обладает личностью и свободой, его бытие регламентировано, его действия как бы заранее предопределены ролевыми обязанностями и бытовыми реестрами, поэтому и течение времени иллюзорно. С утверждением же в мире христианского мировоззрения

появилось понятие ультимативной человеческой свободы, резко раздвинулся горизонт истории, мир людей ощутил смысл и вкус *движения времени*.

Но одновременно появляется и возможность злоупотребления свободой, возникает горизонт “второго грехопадения” как альтернативного конца истории. Человек рискует потеряться в прелести своего могущества, став на поверку тенью собственного бытия. Так же, как и сама свобода способна деградировать до эгоистического своеволия, универсального “*беспредела*”.

Человек христианского мира, вырвавшийся из замкнутой бесконечности традиционного космоса, одновременно и сложного, и плоского, глубокого и формализованного лабиринта *мандалы*, получил в свои руки разящий меч свободы, которым он волен расцезать сковывающие пути, этот “гордиев узел”, некогда связавший историю и самое время, но которым также можно уничтожить и сам мир, и его обитателей. Обретя этот грозный обоюдоострый меч, человечество утратило оберегавший его щит традиций и неподвижности внеисторического бытия, ограждавший от хаоса и ответственности свободы. В силах ли человека отринуть или вернуть Создателю столь удивительный дар? Свобода распинаят новый, *современный* мир (Modernus), выламывая, вырывая его обитателей из сонного бытия, понуждая нас ежесекундно делать выбор, обрекая, таким образом, на дрящущийся столетия момент истины, несущий окончательное спасение или вечную гибель.

Отсчет времени нынешней эпохи современной истории начинается где-то с периода “разделения Церквей”⁸, обособления европейского Востока и Запада, крестовых походов, географических открытий... В недрах западноевропейской культуры постепенно зреет алхимическое зерно — идеология антропоцентричного гуманизма, которая несет идею гегемонии светского общества (предопределяя в конечном счете появление постулатов эгоцентризма и атеизма), поскольку человек, а не Бог, становится умозрительным центром Вселенной.

Светский гуманизм реализует свое содержание в ряде достаточно противоречивых явлений: в процессах секуляризации, индивидуализме, развитии искусств, науки и техники... Человек, осознав в какой-то момент, что “знание — это сила”, почувствовал себя хозяином мира. В итоге произошел мощный социальный и интеллектуальный взрыв, выброс колоссальной творческой энергии, позволившей построить современное нам богатое и технически развитое общество, реализовав для части населения планеты своеобразный “позолоченный век”. А затем случилось то, что случилось.

Успех процесса покорения природы постепенно начал оборачиваться неприглядной, “обратной” стороной: внутренним покорением человека природой, тотальной материализацией его бытия и устремлений. Вот на этом-то мелководе (я имею в виду вымывание христианского сознания, его перманентное обмирщение) зародились и пышно разрослись упоминавшиеся выше “великие идеологии” XX века.

Здесь же, по-видимому, кроются и темные истоки глубинной трансмутации современного мира, генезиса экононизма как главенствующей идеологии времени. Подобная форма сознания утверждается в роли своеобразной неорелигии, возрожденного культа золотого тельца, а универсализируясь, вовлекает в сферу своего действия и разноликие модернизированные сообщества, тщится охватить буквально все сферы человеческого бытия.

3.

Мир христианской культуры пересекают два глубоких шрама. Во-первых, *схизма*: раскол на западноевропейскую констелляцию и мир Православия, восточного христианства. Во-вторых, — галактика “большого Модерна” (Modernus) состоит из двух самостоятельных сегментов: эпохи *Средневековья* (весьма спорны содержание и границы этого периода) и гораздо менее однородной эпохи становления западной цивилизации *Нового времени* (собственно “модерна”, Modernity). Хотя существует также более распространенное прочтение истории: средневековье, ренессанс, реформация, просвещение...

Более-менее общепринятое понимание Нового времени относит его начало приблизительно к XVI-XVII векам (а, по мнению А. Тойнби, даже к последней четверти XV столетия). Именно в этот период формируются и утверждаются привычный для нас образ мироустройства, стиль мышления, система властных отношений, способ организации хозяйственной жизни. Европейская, христианская цивилизация, переплавленная в тигле Нового времени, создала целостную систему общественных механизмов: политических, экономических, идеологических, хорошо приспособленных к ее духовному своеобразию, целям и культурным горизонтам.

Но в глубине всей этой гигантской конструкции постепенно прорастало то самое зерно антропоцентризма, несущее в себе зародыш иного мира, в котором индивид властен претендовать на полную суверенность и персональный космос, выпуская в мир, словно духов из бутылки, буйство воли и зачатки войны

---

⁸ Православное сознание не склонно, однако, соглашаться с распространенным стереотипом “разделения церквей”: “...никакого разделения церквей никогда не происходило. История христианства недвусмысленно и ясно свидетельствует о том, что в действительности имело место постепенное отпадение западных народов и западноевропейских конфессий от Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Церковь же эта неповрежденно существует и поныне, приняв наименование Православной”. (Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. С.-Пб., 1998, с.484.)

всех против всех. А тяга к *универсальному единству вещей* в реторте духовного уплощения начала вырождаться в искусственную *тотальность*, реализуемую посредством той или иной формы насилия. Ведь тоталитаризм сам по себе не есть та или иная конкретная идеология, но *особый на нее отклик*, своего рода *индустриализация* социума, попытка в механистичном упоении и ослеплении перемолоть уникальность человеческой личности ради приближения некоего социального горизонта. В итоге XX век стал временем каскада социальных революций, давая жизнь предрассветным утопиям и химерам заката: “хлеба”, “власти”, “воли”... (Утопии XX века, по прозорливому замечанию Н. Бердяева, имели удивительное свойство становиться явью.)

Наследие Нового времени: национально-государственный тип международных отношений, демократическая форма управления обществом, индустриальная экономика и даже такой ее, казалось бы, нерушимый ингредиент, как частная собственность, — все эти институты переживают сейчас глубокий кризис, порождая нечто качественно иное. Их время подошло к своему логическому концу, запас прочности исчерпался. Начала прорисовываться какая-то новая историческая перспектива, забрезжила заря социального Постмодерна, для которого нет еще адекватного названия, фундаментального определения, и который для нас пока просто — **Новый мир**. Станным образом вся эта смена декораций на историческом пути человечества почти совпадает с приближающимся рубежом тысячелетий...

4.

Уяснение физических, социальных и культурных границ современной эпохи является, по сути, доминантой общественной мысли наших дней. Об этом — особенно об *экологической* компоненте кризиса — много говорилось в докладах известному Римскому клубу, в материалах комиссии Г.Х. Брунтланд, на Экологическом форуме в Рио-де-Жанейро (1992 г.)... Тема достаточно избита, однако как всякая банальность содержит в себе нечто основательное и трудно опровергаемое.

Помимо биосферных неурядиц, серьезное нестроение — проблема *бедности* и *аномизации*, глубокого повреждения социальной ткани. Цифры, характеризующие остроту положения, уже приводились выше. Конечно, бедность существовала всегда. Однако поразительно, что с развитием и усложнением экономики разрыв между Севером и Югом не уменьшается, а растет. (Учитывая же увеличение общего числа обездоленных, происходит и рост “суммы страданий” на планете.) Причем в некоторых районах мира возникает особая, “новая бедность” — процесс прямой деградации и даже распада общества, сопровождающийся абсолютным ухудшением условий жизни. В сущности, складывается ситуация, когда история двух социальных полюсов движется как бы в противоположных направлениях.

Следующая драматичная коллизия, обусловленная внутренним кризисом общества Модерна — развитие в недрах современной экономики колоссального потенциала чисто *спекулятивных* и даже *деструктивных* тенденций... Сейчас возникают формы экономической жизни, которые либо не существовали ранее, либо занимали в прежней реальности маргинальные позиции или были попросту исключены из легального контекста. Это, прежде всего, разнообразные флуктуации финансовой неэкономии, а также выстраивание комплексной, изощренной “индустрии порока”, получающей доход за счет тех или иных способов “взлома” цивилизации.

Христианское общество с определенным подозрением относилось к денежному обращению, особенно к ссудному проценту, который был прямо запрещен в Библии. Доминирующей формой деятельности в эпоху Нового времени стала конструктивная, индустриальная экономика, по отношению к которой финансовая носила все-таки дополнительный характер. А сейчас наблюдается совершенно иная картина — виртуальная *финансовая неэкономия* существенно перехлестывает объемы экономики реальной и начинает её “проедать”.

В ряде ситуаций промышленное производство, являясь заложником финансовых обстоятельств, постепенно переходит под “косвенное управление” банковских и финансовых групп, достаточно своеобразно понимающих смысл хозяйственной деятельности, обладающих собственным экономическим менталитетом и целеполаганием. Параллельно происходит нечто вроде плавной девальвации прав отдельного собственника на свободное распоряжение имуществом, имеет место как бы расщепление властных полномочий между ним и кредитно-финансовым оператором. (Схожие процессы разворачиваются и на уровне “макроэкономических объектов”...) При этом финансовая неэкономия все больше концентрирует в своей сфере энергию цивилизации, ее интеллектуальные, творческие потенции, научно-технические и материальные ресурсы⁹.

В результате, если сейчас, в конце XX века произвести тщательный анализ внутреннего содержания валового продукта мира, структуры глобального долга, совокупного объема разнообразных финансовых операций (особенно сделок с производными финансовыми инструментами), а затем попытаться соотнести между собой выявленные параметры “номинальной” и “реальной” активности, то, не исключено, получится нечто аналогичное алармистскому докладу Медоузов о пределах роста, но уже в финансово-экономической области...

---

⁹ В некотором смысле “финансовая цивилизация” является таким же тупиком торгового модуса хозяйствования и геоэкономики моря, ее пародийным близнецом, как военное производство — темный двойник и искажение производственной экономики суши.

С другой стороны, распечатывание запретных видов деятельности, разъятие хозяйственной плоти в ходе декомпозиции культуры, общества и цивилизации Модерна способно породить самостоятельную *трофейную экономику*. Иначе говоря, в условиях моральной коррупции происходит эксплуатация механизмов сверхпотребления, не сбалансированного превосходящим или хотя бы адекватным по объему конструктивным производством. Эдакий “авто-колониализм” расхищения и проедания ресурсов, созданных человечеством и принадлежащих не только настоящим, но и, как это ни тривиально прозвучит, — будущим поколениям жителей Земли. К категории “экономического инцеста” можно отнести также своеобразную индустриализацию ряда криминальных и прямо деструктивных способов извлечения прибыли.

Это, прежде всего, поставленные на поток производство и распространение наркотиков, коммерческий терроризм и заложничество, рэкет и наемничество, казнокрадство и взяточничество, хищения и скупка краденого, контрабанда, включая нелегальный оружейный бизнес, и тайное, “дешевое” захоронение высокотоксичных отходов, биржевые и компьютерные аферы, проституция и торговля людьми, а также их органами, нелегальная иммиграция и сопутствующая ей теневая сверхэксплуатация, производство и сбыт фальсифицированных вещей и продуктов питания, фальшивомонетничество и отмывание грязных денег и т.д.

Симптоматично, что некоторые из видов деятельности, в сущности той же природы (откровенные финансовые спекуляции, игорный бизнес, массовая реклама престижного потребления, распространение порнографии и некоторые другие виды “индустрии порока”), расположены в легальной сфере, а их коммерческий результат *включается в подсчет ВВП соответствующей страны*.

Эффект от разрастания, усложнения и диверсификации подобного извращенного параэкономического “базиса” начинает все сильнее сказываться на “большом социуме”, подрывая его конструктивный характер, вызывая многочисленные моральные и материальные деформации, ведя к внутреннему перерождению общества. Одновременно в результате воздействия тех же деструктивных процессов и тенденций на “обочине цивилизации” зреет новая и весьма непривычная форма социальной организации.

5.

Процесс мутации общества Модерна — его *дехристианизация* — радикально меняет культурно-историческую перспективу. Одним из наиболее существенных феноменов последних лет (наряду с трансформацией самого христианского культурного ареала) является интенсивная перестройка того “внешнего пространства” цивилизации Нового времени, которое мы до недавнего времени привычно именовали **Третий мир**. Это пестрое сообщество — конгломерат самых разных традиционных культур. Впрочем, сразу оговорюсь, и не совсем уже традиционных: скорее, культур *модернизированных*, но модернизированных все же на основе совсем иного культурного текста, чем европейский концерт. И вот на пороге XXI века, на просторах данного совокупного оппонента западного мира начинают разворачиваться весьма примечательные и не менее драматичные процессы.

Теперь уже сам Третий мир распался на несколько структурных зон, обретя собственный Север и Юг. Это, прежде всего, **Новый Восток** — сформировавшееся в районе Большого тихоокеанского кольца *второе индустриальное пространство* (в каком-то смысле пришедшее на смену “коммунистической цивилизации”, заполняя образовавшийся с ее распадом биполярный вакуум). И другой, еще более своеобразный мир пробуждающегося хаоса — трансрегиональный “архипелаг” территорий, по тем или иным причинам переживающих деградацию и даже коллапс современных общественных институтов (назовем его **Глубокий Юг**).

Посттрадиционные образования постепенно сливаются с гипер-светским социальным и культурным контекстом западного постмодерна, проникают в него, образуя нечто единое, целое, качественно иное, что вполне можно считать новой цивилизационной средой, основой и “бульоном” Нового мира.

Определение “Третий мир”, как правило, трактуется в рамках некоей иерархии: Первый мир — наверху, Второй где-то посередине, Третий — внизу. Либо как некое промежуточное пространство между “капиталистическим Западом” и “коммунистическим Востоком”. А ведь первоначальное значение термина было совсем другое. Его создал в 1952 году французский учёный Альфред Сوفي по аналогии с понятием “третьего сословия”, некогда сокрушившего прежнее мироустройство.¹⁰

Тогда, в послевоенные годы, на мировую арену выходил новый динамичный персонаж. То, что в прошлом было маргинальным пространством цивилизации, колониальной периферией, находившейся где-то за пределами истории и Ойкумены, — сообществом, которое и не рассматривалось с точки зрения магистрального хода событий, — стало отныне все чаще включаться в актуальный контекст. Но ведь и историческое “третье сословие” (буржуазия) выросло когда-то в недрах феодализма, породив со временем собственный мир — знакомый нам мир капитализма.

Альфред Сوفي точно уловил исторический момент, и данное понятие превратилось в устойчивый концепт. Игнорируемый, третируемый Третий мир был способен (по мысли Альфреда Сوفي) в будущем занять

---

¹⁰ “Развивающиеся страны, Третий мир вступили в новую фазу... Наконец-то этот Третий мир — игнорируемый, эксплуатируемый и презираемый, как и третье сословие, также захотел обрести собственную судьбу”. *A. Sauvy. — L'Observateur. Paris, 14 août., 1952.*

совсем иное место в мировой иерархии. Мысль эта в середине XX века все же казалась чересчур экстравагантной, и термин “Третий мир” приобрел более простой и привычный для нас смысл.

Время, однако, по-своему расставляет игроков на планете, переиначивая мозаику человеческого сообщества. Теперь, на рубеже XXI века, после стратегического поражения коммунизма именно “Новый Третий Мир”, кажется, становится главным совокупным оппонентом западной цивилизации. И как знать, — быть может, в будущем веке процессу *ориентализации* суждено сменить *модернизацию* в качестве господствующей тенденции времени. Недаром столь широкое распространение получают тезисы об “исламской угрозе”, “экспансии конфуцианского мира”. Действительно, формирующийся в пределах Большого тихоокеанского кольца мир начинает претендовать на роль альтернативного цивилизационного центра в новой, постмодернистской версии истории.

6.

Общество Модерна оказалось не в состоянии вложить в глобальный прорыв своей цивилизационной модели равный ей по силе и энергии духовный порыв. В условиях утраты коллективной метрополией “духовного первородства” евангелизация была подменена колонизацией, сопровождавшейся форсированной, корыстной эксплуатацией народов и земель окружавшего мира.

Туземному обществу, пережившему в момент столкновения культур кризис идентичности и девальвацию традиционных систем воззрений, в качестве альтернативы — наряду с формальным приобщением к культуре Модерна — были фактически предложены ценности уровня “чечевичной похлебки”. Это вело к образованию культурного вакуума, заполняемого повседневными мирскими заботами, либо к ренессансу — на новой основе — казалось бы, угасших культов. Индивидуализация же нередко являлась скорее вынужденным следствием распада общины — либо даже ее специфической адаптацией к кардинально меняющимся условиям — нежели результатом последовательного формирования личности. В итоге здесь постепенно сложились оригинальная форма парасекулярного сознания, весьма своеобразная городская культура, а затем и самостоятельная версия светского общества, таящая, однако, в своих глубинах щедрую россыпь семян катастроф.

Действительно, у народов Юга формирование гражданского общества шло своим собственным, иной раз весьма извилистым путем. Зачастую оно сопровождалось мимикрией традиционных систем управления под современные институты, симуляцией соответствующих форм политической жизни, порождая такие химеры, как феномен “управляемой демократии”. Модернизация в ряде случаев оказалась достаточно поверхностной, заложив глубинные основы кризиса отношений Севера с Югом.

Наконец наступил момент, когда ситуация на планете стала кардинально меняться. Теперь уже современные наследники Третьего мира оказывают все более заметное воздействие на культуру и цивилизацию Нового времени. Заявляя о своем в ней присутствии, они возвращают реальные и *примысленные* исторические долги. Постмодернизационные тенденции различных частей человеческого сообщества, сливаясь воедино, взаимно перекрывают и усиливают друг друга. А глубокий Юг стал естественным союзником квази-Севера в реализации схемы прямой деконструкции общества Модерна (в плоти которого и так соприносятся устойчивые сегменты собственного, внутреннего “четвертого мира” отверженности и трущоб).

Таким образом, вместо первоначального проекта гармоничного расширения соборной Ойкумены, на планете — при молчаливом признании большинством сторон примата ценностей мира сего — было построено подобие иерархичной, многоступенчатой башни: здание современной *синтетической цивилизации*, изъясняющейся по-прежнему с позиции силы, но уже преимущественно на языке рыночной экономики. (А почти на самом пороге будущего века, кажется, блеснули и “отблески грядущих пожарищ”: региональных финансовых потрясений и мировых геэкономических войн...)

Порожденный кризисом идентичности — на этот раз самого человека Нового времени — эклектичный экономический универсум равно безразличен к культурным ценностям и основополагающим постулатам включенных в его орбиту сообществ. И он же полагает себя квинтэссенцией истории! Уверенно претендуя на обладание новым универсальным языком, объединяющим мысли и действия миллиардов жителей планеты, этот колосс может, однако, оказаться подобием безъязыкого Голема и в одночасье погresti под своими обломками могучую цивилизацию...

7.

Мы наблюдаем лишь зарю эпохи Постмодерна. Образ Нового мира все время как бы двоятся: с одной стороны, это вроде бы предельно экономизированное общество, с другой — в нем маячит некий нефокусированный задний план, на существование которого намекают как некоторые “темные пятна” социальной истории XX века, так и ряд все чаще подмечаемых признаков культурной и хозяйственной *инверсии*, поразившей человечество на пороге века XXI. Возможно, что мир современных учеников чародея, уверенно управляющих фантомами, лишен реальной перспективы, а если это действительно так (и тут мы вступаем в область предположений), то параллельно пробуждению социального хаоса можно ожидать и обострение, *радикализацию* консервативных тенденций в “большом социуме”.

Древо экономического процветания, по-видимому, не случайно произросло в садах цивилизации Модерна, оно было порождено могучим импульсом этой поразительной эпохи, выпестовано ее творческим гением, а затем “подстрижено”, мультиплицировано, разнесено по миру механизмами рыночного обмена и финансовых операций. Современная экономика есть феномен и продукт вполне определенной культуры, являясь ее органичной частью. И неудивительно, если с глобальным кризисом данной культуры, “очищенная от корней”, она также переживает кризис, а с гибелью — окажется обречена на вырождение, обернувшись сухой смоковницей.

Историю последнего времени ведь можно прочитать не только как гимн движению человечества по пути прогресса и процветания. “Чисто экономический мир” — этот незаконный плод, *гомункулус* двухтысячелетней цивилизации — чем-то разительно напоминает химеричное создание Виктора Франкенштейна. Искусно скроенный Рах *Economicana*, имитируя Гамлета современности, пытается тем или иным способом удержать расплзающуюся связь времен. Однако так ли уж странно, если в подобной эклектичной постановке (вполне, впрочем, достойной драматургии и сценографии эпохи Постмодерна) возникнет еще один выразительный персонаж: тихо входящий в мир Призрак — зыбкая, многоликая тень грядущей “глобальной депрессии”...

Действительно, ведь основным источником исторически небывалого материального богатства, постепенно наполнявшего мир и общество Нового времени, были не столько культура накопления или умелое использование капитала и не эксплуатация, сопровождающаяся присвоением прибавочной стоимости или ограблением колоний. Но инновационные скачки и присущий им синергизм, то есть – то творческое изобилие, которое, опрокидывая прежние производственные схемы, претворялось в изобилие материальное. Однако — иной раз серьезно спотыкавшиеся перед препятствиями в виде социальных конструкций. Так, феномен знаменитой “великой депрессии” явился (достаточно странным на первый взгляд образом) прямым следствием этого удивительного, как из баснословного рога лившегося на человечество изобилия. В конце концов, был ведь он кризисом перепроизводства, придавшим, впрочем, — наряду с утверждением принципов социального равновесия и регулирования экономики — реальное второе дыхание деструктивным схемам человеческой деятельности. И, прежде всего, современному аналогу строительства пирамид: двусмысленному военному производству — индустриальной основе высокотехнологичных войн, поразивших мир в XX веке. Интенсивная военная история столетия подобно древнему Молоху поглощала и переваривала ум, труд, творческую энергию человечества, его избыточные силы (возможно предназначавшиеся историей для совсем иных целей). Так или иначе, но творческий порыв был если и не выхолощен, то “взнуздан”.

Наконец, в этом же веке завершился процесс освоения глобальных просторов, интеграция человеческого сообщества в единый взаимозависимый организм. И что же? Открывшееся “новое неравенство” — на сей раз в планетарном масштабе — во многом свело на нет целенаправленные усилия по созданию равновесной социальной среды внутри национальных государств. Также и военное производство обрело к тому времени новое качество, приблизившись к символической красной черте, создав ультимативное оружие — арсенал, способный в одночасье погубить все и вся. И вот тут, кажется, исполнилась некая мера, исчислился срок эпохи. Параллельно с яркими, драматичными событиями, кардинально менявшими облик мира, произошло нечто до сих пор до конца не понятое и даже не вполне осознанное. Будто какая-то тень накрыла мир, словно судорога пробежала по планете, нарушив внутренний порядок вещей, а человеческий гений стала все чаще поражать странная слепота и стерильность. Вместо всплеска востребованных временем и обстоятельствами конструктивных творческих сил на планете сейчас исподволь утверждаются механизмы регрессивного перераспределения богатств цивилизации, сопряженные подчас с явной или не очень явной реанимацией архаики, пробуждением смутных и древних реалий. В итоге перед человечеством раскрывается достаточно неожиданный горизонт: завораживающая воображение перспектива **поворота истории**.

Так будет ли идущая на смену прежнему стилю хозяйственной деятельности неэкономика Постмодерна обильнее, и, главное, будет ли она более благожелательной к человеку (ведь именно в этом, если вдуматься, смысл понятия “эффективность”)? Еще совсем недавно ответ был однозначным: “Безусловно, да”. Однако сейчас он начинает звучать уже не столь категорично. Научно-технический прогресс — основа процветания современного общества — в конце этого века, кажется, парадоксальным образом замедлился. Пока на данную тенденцию (слишком уж неожиданную и потому кажущуюся невероятной) не обратили должного внимания. А ведь она, скорее всего, будет нарастать. Во всем мире заметно сокращается объем фундаментальных исследований, и одновременно — совокупные инновационные усилия общества постепенно перетекают в плоскость информатизации, т.е. оптимизации уже имеющегося фундаментального знания о природе вещей. И более того: в сферу создания многообразных, изощренных, но “схоластичных” информационно-финансовых систем и технологий (не говоря уже о прямо деструктивных — например, криминальных).

Вопреки революционной традиции века Модерна форсированная *оптимизация*, а не *прорыв* становится аксиомой современного мира (вот он — один из симптомов “радикального консерватизма”). Познание тайн Вселенной уступает место умелому распоряжению уже имеющимся богатством. Кроме того, исследовательский пыл — повторяя характерную траекторию в экономике — в ряде случаев оказывается заметно приземлен и

смещен в сторону новых измерений массового производства, а также неких “серых” и “темных” зон запретного, извращенного знания.

Все это в конечном итоге есть не что иное, как косвенные признаки метафизической усталости эпохи, исчерпания современной цивилизацией своего исторического пространства, достижения ею — не столько во внешнем мире, сколько внутри себя — некоторых критических пределов (что, в сущности, и является преддверием регресса). Но в таком случае прорыв оказывается знаменем *другой реальности*, и геоэкономический континуум — в его ли нынешней ипостаси во главе с США, либо в ориенталистской версии Нового Востока и “века Китая” — рискует не справиться со всплеском вселенского хаоса, открывая путь новому, разнообразно толкуемому *постэкономическому миру*.

8.

А как же Россия? Как влияют на нее все эти сюжеты? Кажется, непосредственная близость драматичных событий, охвативших страну за последние семь-десять лет, во многом просто заслонили от нас и внешний мир, и непростые процессы, в нем разворачивающиеся. Живя своим, достаточно напряженным настоящим, мы утратили ощущение дальних горизонтов истории. А ведь не исключено, что корень российских бед, их кощеева игла — расцвет таких характерных явлений, как, например, финансово-криминальный синтез, — тесно связаны с универсальным кризисом цивилизации. Что если аналогичные причины — присутствие страны в контексте постмодернизации — во многом повлияли на логику событий, происходящих в России, в том числе на протяжении последнего десятилетия?

Тема эта слишком обширна и болезненна, чтобы затрагивать ее походя. Отмечу лишь, что спектр альтернатив Миру Модерна не так уж велик. Россия как *иной* (нежели Третий мир) оппонент западноевропейской цивилизации, несёт в себе другую христианскую историческую позицию, опыт иной универсализации мира, опыт, который мог бы оказаться просто бесценным при поиске позитивного выхода из того цивилизационного тупика, куда, кажется, идет мир. Ведь православная, восточно-христианская культура содержит свой оригинальный алгоритм строительства Глобального Града, создав в пространстве истории собственный тип взаимоотношений с универсумом, испытав непростые ситуации и сделав при этом нелегкий выбор решения сложнейших культурно-исторических задач.

Этот социальный код вобрал в себя и версию византийской Ойкумены (рассыпавшейся при перемене принципов в балканскую сумятицу), и практику строительства Российской империи (после утраты духовного стержня на протяжении всего нынешнего века переживавшей судороги собственного варианта балканизации). По сути же, в этом социально-генетическом коде, словно в мистическом зерне, содержится так до конца и не реализованный альтернативный “глобальный проект” гармоничного включения в единое социальное пространство иных религиозно-культурных общностей и народов. Проект, чьи пути и методы решения исторических головоломок заметно отличались от методов и средств западноевропейской колонизации.

Православная цивилизация вплоть до XX века прошла по кромке эпохи Нового времени, замочив ноги, но так, в сущности, и не погрузившись в ее воды. Истоки восточно-христианского опыта социального строительства, по-видимому, кроются в преимущественно апофатическом характере православного богословия. В отличие от общества западноевропейского здесь присутствует и более настороженное, и менее формализованное отношение к миру. Иначе говоря, в небесно-земной симфонии преобладают уникальные, личностные взаимоотношения между человеком и Богом, которые не исчерпываются их формальным описанием. Распространяются эти принципы в общем и целом также на уникальный опыт локальных культур и цивилизаций, оставляя за ними свободный выбор собственного исторического пути и возможность индивидуального акта преображения.

Этот же тип сознания, являясь универсальным, последовательно вторгается в текущие, повседневные отношения с миром и его реалиями. Подобная цивилизация в итоге менее ориентирована на методичное обустройство “дольней тверди”, но зато более внимательна к внутренним, *тихим* угрозам жизни.¹¹

Как же это актуально! Влияние развитой *православной социальной доктрины* в условиях фундаментального кризиса привычного образа бытия, надвигающейся на цивилизацию “культуры смерти” (по определению папы Иоанна Павла II), было бы трудно переоценить. Сейчас, как никогда, второе дыхание христианской культуры востребовано временем. Но, если обратить взоры на реальную Россию конца столетия, то ... пробирает озноб. Вместо провозглашенного еще совсем недавно прорыва к “общечеловеческой цивилизации”, “благословенному времени мира без оружия и войн”, над Россией нависла тень темных веков отлучения от истории.

9.

Мир людей является сложным организмом, развивающимся по своим внутренним законам. История — синергийный процесс самоорганизации человеческого сообщества во времени и пространстве. В своем становлении она проходит сквозь череду базовых состояний: *исторических эпох* (при рассмотрении диахронного, временного аспекта) или *цивилизаций* (при синхронном, пространственном анализе системы).

¹¹ См., например, X. Яннарис. Вера церкви. Введение в православное богословие (особенно глава “Мир”). М., 1992.

Эти эпохи: **Протоистория** (аморфное состояние), **Древний мир** (процесс интеграции системы), **Великие империи** (гомеостаз закрытой системы), **Средневековый мир** (состояние, при котором система распадается на сообщество “коллективных субъектов”), эпоха **Нового времени** (период становления открытой системы) и, наконец, наиболее интересное состояние: *новый порядок*, т.е. существование общества в виде устойчивой, но неравновесной — *диссипативной* — структуры (**Новый мир** или **Мир Игры**). Как видим, у истории есть свои “шесть дней творения”.

Параллельно в человеческом мире потенциально (а иногда и активно) сопричастствует особое, “ночное” состояние — последовательного разрушения системы (**Мир Распада**), т.е. своеобразный код *антиистории*.¹²

Взглянув на колею истории извне, можно некоторым образом очертить ожидающее нас будущее, заранее понять характер грядущих перемен. Мы словно видим контур событий, хотя и не знаем сроки.

К тому же возникающая гексагональная конструкция — социальный геном, *дом человечества* — является одновременно пространством сложного полиолога его хронологических составляющих, с различной степенью выраженности сопричастствующих в актуальном историческом срезе: ткани современного мира. Косвенно это подтверждается реальностью сосуществования шести цивилизационных зон-интегралов на планете (помимо кое-где сохранившихся очагов **протоисторического** бытия): **Южной** (тропической), расположенной преимущественно в районе Индоокеанской дуги, **Тихоокеанской**, **Евразийской**, **Североатлантической**, а также глобального слоя транснационального **Нового Севера** и “сумеречного” архипелага **Глубокого Юга**.

Смены эпох — подобно беспокойному состоянию пограничных поясов цивилизационных разломов (областей столкновения культур) — сопровождаются хаотизацией социума, периодами смуты, нередко занимающими продолжительное время, исчисляемое десятками, а то и сотнями лет. Иначе говоря, между “историческими материками” порой зияют провалы тёмных веков...

Грядущий Новый мир, повторюсь, носит *устойчивый*, но не *равновесный* характер, его устойчивость во многом базируется на колоссальном количестве накопленных цивилизацией ресурсов, их перманентном перераспределении и потому он достаточно уязвим, скрывая в себе фермент тотальной деструкции. Запретный код, однако, открыл бы не просто темный коридор между эпохами. Человечество здесь вплотную приближается к вихрю Мира Распада, где история течёт как бы в обратном направлении.

Этой мрачной перспективе, впрочем, противостоит другая вероятность (в библейской эсхатологии намеченная у пророков Исайи 2, 2-4 и Михея, 4, 1-3) — возможность реализации в будущем “седьмого дня истории” или, по определению Патрика де Любье, “цивилизации любви”, отменяющей раздор и ненависть и выводящей человека за пределы исторического круга...¹³

10.

Ну а что, если — вопреки устойчивой традиции завершать рассуждения сентенциями типа “но я все же верю...” — попытаться быть последовательным пессимистом и предположить, что деструктивные тенденции будут нарастать и, в конце концов, возобладает на планете? Последние годы мы слишком часто имели дело с блистательными и оптимистичными конструкциями, обнаруживающими, однако, при столкновении с реальностью прочность елочных игрушек. А можем ли мы, пусть хотя бы эскизно, обозначить контуры грядущей антиутопии, увидеть тень “сумрачного леса во тьме долины”? Ведь иногда бывает совсем не лишне поразмыслить о немислимом.

---

¹² Проблема социотопологии, самоорганизации социального пространства, оснований и кодов исторического процесса подробно рассматривалась автором на межведомственном семинаре “Сознание” в октябре 1988 г. (г. Батуми). Предложенный метод структурного моделирования социальных феноменов обсуждался на конференциях “Использование формальных методов в социально-политических исследованиях” (ИАФАН, 1988), “Закономерности и особенности исторического процесса в Азии, Африке и Латинской Америке: стереотипы и новые подходы” (Научный Совет по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения АН СССР, ИВАН, 1990), “Исследование проблем мира” (Итальянский институт философских исследований, факультет философии и политики Института востоковедения, Неаполь, 1990), “Типология цивилизаций” (Отделение истории РАН, ИВИРАН, 1993) и т.д. Этой теме были в свое время посвящены научно-исследовательские проекты: “Новые измерения АС (антропологического и социального — А.Н.) пространства: прогноз развития” (ИФАН, 1990) и “Перспективы АС-трансформации в современном мире” (Центр наук о человеке, 1990).

¹³ В ноябре 1995 г. в Москве состоялся международный семинар по эсхатологии, на котором обсуждалась книга женева профессора Патрика де Любье “Цивилизация любви”. В ней ученый-католик очерчивает контур грядущей, по его мнению, в конце времен цивилизации “которую характеризует христианизация и примирение всего мира...”. Схожие положения содержались в свое время и в посланиях патриарха РПЦ Пимена: “...мы придем к тому благословенному времени, о котором возвещал пророк Божий Исайа, когда народы `перекуют мечи на орала и копыя свои на серпы, не поднимет народ меча и не будет более учиться воевать” (Журнал Московской Патриархии. 1983, №6, с.2), “...мы уповаем на Господа...Который дал нам обетование, что наступит время, когда народы `перекуют свои мечи на орала...” Святой долг Церкви Христовой — приблизить своими молитвами и трудами это благословенное время” (Журнал Московской Патриархии. 1983, №12, с.3). В Послании Священного Синода РПЦ “О войне и мире в ядерный век” в разделе “Пророческие видения мира” говорилось: “У ветхозаветных пророков мир изображается метаисторически как состояние, завершающее историю...” (Журнал Московской Патриархии. 1986, №6, с.3). Подобная точка зрения, конечно, расходится с более распространенным толкованием историсофии Нового Завета, представленной в Апокалипсисе.

В конце концов, корабль истории в поисках заветного “золотого руна” вселенского счастья и изобилия пересекает непростой рубеж — не просто границу тысячелетий... Однако, вплывая в неведомые воды нового миллениума, человечество, судя по всему, оказывается под сенью “дьявольской альтернативы”: между Сциллой *квази-Севера* и Харибдой *глубокого Юга*.

Во-первых, будущее информационное сообщество рискует обернуться не идиллической глобальной деревней, а достаточно нестабильной, в чем-то иллюзорной конструкцией — реальностью, так сказать, “организованного хаоса” (что, впрочем, вполне вписывается в природный скептицизм либерализма по отношению к “большим смыслам”). Проклевающийся на свет виртуальный мир — если уж вглядываться в стратегические горизонты будущего — является не только информационной реальностью, но и полигоном оригинальной *постсоциальной* конструкции: **сверх-открытого общества**. (Или, как это образно звучит на современном русском языке, общества “беспредельного”.)

В ходе данной революции рождается новый принцип организации реальности, специфика коего заключена в перманентном балансировании людей и мира на грани хаоса, в нарастающей атомизации индивидов.¹⁴ Ломая критерии миропорядка, культуры (нередко вместе с самой культурой), обретая неведомую ранее свободу, искушаемый отсутствием границ человек открывается стихиям, чью природу не вполне понимает. Но которые вряд ли сможет уверенно контролировать и тем более вернуть в небытие.

Это едва ли не в первую очередь сказывается на становом хребте нового универсума — экономике. В подобной децентрализованной, транснациональной среде прекрасно себя чувствует ее тень — виртуальная неэкономика, близкая принципам казино-капитализма. В результате ряд видов современной финансовой деятельности (наподобие управления рисками или рециклизации долга) все более превращаются в своего рода постэкономику, становясь откровенной пародией на хозяйственный механизм Нового времени. Они могут содержать в себе всё и ничего: ничего не создается, однако растут инвестиции, поступает прибыль. Формальная сторона отделяется от сущностной, оказываясь не только самостоятельной, но и более актуальной реальностью. Но ведь это же не что иное, как род игры! Конечно, игры своеобразной, сложной, опасной. Игры, которая сохранит серьезный характер до той поры, пока у нее будет существовать реальный экономический подтекст, пока не израсходуется накопленный цивилизацией хозяйственный ресурс. И когда он будет растрачен, — “большая игра” превратится в административную головоломку, неотличимую от других знакомых нам игр... Она станет бессмысленной, но к тому моменту, видимо, будет уже ритуализована.

Во-вторых, параллельно “строительству виртуальных миров” появляется какое-то новое и, надо сказать, весьма двусмысленное прочтение понятия постиндустриализма. В будущем веке значительному числу людей, возможно, предстоит вплотную соприкоснуться с открытыми формами социального распада — возрожденной неoarхаикой — что, естественно, радикально отразится на стиле жизни. Например, если в тех или иных регионах окажется невозможным поддержание прежнего уровня производства и потребления. А это в свою очередь означает, что на части планеты будет создано общество не столько *пост-индустриальное*, сколько *де-индустриальное*. С данной проблемой, кстати, уже столкнулись многие индустриальные в недалеком прошлом регионы России.

Однако социальными катастрофами богата сейчас не только российская земля. Очаги неoarхаики, подобные Чечне, — не специфическая черта России, в мире существует около 30 территорий, на которых военные конфликты, отсутствие устойчивой правовой инфраструктуры, легитимной, а то и какой бы то ни было власти вообще являются повседневной действительностью. Наиболее яркий пример перевернутого, “взломанного” общества, конечно, Афганистан, но стоит вспомнить и некоторые другие территории Южной Азии и Африки, всю совокупную мозаику “золотых земель”... В мире образуется устойчивая сеть островов зыбкой государственности: от дестабилизированной постсоветской Северной Евразии и Кавказа до африканских “Великих озер”, от европейских Балкан до центральноазиатского Памира и латиноамериканских Кордильер. По коридорам “глобального андеграунда” движутся мировые грязные деньги, которые в свою очередь тесно связаны со слабо контролируемыми спекулятивными финансовыми ресурсами “летучих островов” легального транснационального мира. Меры, принимаемые с целью сдержать расползание нестабильности, приводят к возникновению еще одной формы пониженной суверенности — опекаемых извне зон: на тех же Балканах (Босния, Косово), Ближнем Востоке (Ирак), в Африке (Сьерра-Леоне, Либерия) и в некоторых частях бывшего советского пространства (Таджикистан, Абхазия). Вооруженные силы ряда государств все чаще участвуют в набирающих силу и динамизм миротворческих операциях, которые приобретают зловещий оттенок ползучей 4-ой мировой войны.¹⁵

¹⁴ Каким-то символическим смыслом наполняется в этой связи многомиллиардная проблема “Вируса-2000”, наглядно продемонстрировавшая хрупкость тонкого льда информационной реальности.

¹⁵ О феномене глубокого Юга, перспективах неoarхаизации и распространения на планете особой культуры “пирократии”, о горизонтах развития российской ситуации см. *А. Неклесса. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. М., 1994; он же. “Третий Рим” или “Третий мир”: глобальные сдвиги и национальная стратегия России. — Восток. 1995, №1; он же. Контуры Нового мира и Россия. — Знамя. 1995, №11; он же. Россия на пороге нового мира. — Рубежи. 1996, №2; он же. Геометрия экономики. — Мировая экономика и международные отношения. 1996, №10; он же.*

Феномен глубокого Юга (а равно и квази-Севера) расплзается по планете. Этот “опрокинутый социум” становится генератором нетривиальной политики и экономики, идеологии и культуры, оказывая мутагенное воздействие на сужающиеся зоны стабильности, формируя глобальную альтернативу господствовавшим до недавнего времени прогнозам эволюции человеческого сообщества. Так, на исходе XX века, за сверкающим фасадом глобальной цивилизации сжимается пружина истории и копит силы могучий импульс драмы века XXI.

11.

Речь вроде бы идет о дальних горизонтах истории, но уже в ближайшем будущем возможны первые тектонические подвижки, проблески “безумия эпохи”. Вероятен, например, сценарий стремительного развития финансово-экономического катаклизма с непредсказуемыми, в сущности, последствиями. А взрыв финансовой бомбы способен оказать на мир, в конечном итоге, не менее опустошительное воздействие, чем взрыв бомбы экологической или ядерной. (Хотя и ядерная угроза, казалось бы, снятая с повестки дня в ходе переговоров военных супердержав о взаимном сокращении стратегических и наступательных вооружений, вновь стучится в дверь, но уже, так сказать, с черного хода. И экологический кризис также неуклонно движется к своему часу пик.)*

Роль запала здесь мог бы сыграть крах неустойчивых метаэкономических реалий и откровенных финансовых пузырей: современной системы функционирования рынка основных и особенно вторичных ценных бумаг, схемы перманентной рециклизации и обслуживания глобального долга, либо потеря фактической мировой резервной валюты — долларом — своего исключительного статуса.

Последнее событие, например, существенно дестабилизировало бы Соединенные Штаты, являющиеся в настоящий момент основным экспортным регулятором в мире, пространством, куда ориентированы товарные потоки многих государств. Соответственно и последствия пошатнувшегося положения доллара не ограничились бы дезорганизацией ситуации внутри США. Грозя превратить в одночасье американцев в нацию бедняков, процесс геэкономических потрясений повлечет за собой реконфигурацию индустриального мира, отчего может зашататься вся Ойкумена. Коллапс Соединенных Штатов оказался бы для нее в некотором роде тем же, чем стал крах СССР для евразийского пространства. Эффект домино, пройдя по миру, имеет шанс вывести на арену истории — наряду с запасными игроками современной цивилизации — также новых, и, не исключено, во многом неожиданных персонажей...

Мир, исподволь утрачивающий “большие смыслы” и саму позитивную перспективу, мир без границ, но и без горизонта неизбежно театрализуется, обменивая свои невоплощенные идеалы на земной мираж: мечту об обществе тотального комфорта и виртуозные плоды индустрии досуга. В условиях социальной деградации жизнь тем более приобретает ирреальный, игровой характер, приближаясь к подобию пира во время чумы. Взаимодействие же *большой игры* с разноликой *неоархаикой* способно породить единое эклектичное сообщество “профессиональных игроков”.

В итоге доминирующей реальностью на планете может стать Мир Игры, страшящийся и стремящийся реализовать свою высшую ставку — возможность выпустить на волю Мир Распада. Вот при этих-то условиях, когда иссякает и грозит обратиться вспять поток социального времени, начинает брезжить иной, совсем уже не фукуямовский конец истории.

Любопытно, что данное пессимистичное построение частично совпадает с одной достаточно древней историософской схемой, а именно: регрессом истории от золотого века — к серебряному, от серебряного — к бронзовому, от бронзового — к железному. Причем каждый из эонов соотнесен с преобладающим в нем видом человеческой практики. Скажем, в контексте индуистской культуры в золотом веке — это брамины, жречество как ведущий род деятельности, в эпоху серебряного — воинство, цари, правители, в бронзовом — купечество, крестьянство (т.е. экономическая активность), и, наконец, во времена мира “четвертого”, железного — шудры. Распространено мнение, что шудры — это угнетённые слои населения, самые низшие. Поэтому-то и говорили в конце прошлого и начале нынешнего столетия об эпохе социализма как грядущем “царстве шудр”. Но в реальной традиции всё не так просто: там шудры вовсе не “рабочие и крестьяне”. Шудрами являлись лица, связанные, как сказали бы сейчас, с индустрией услуг и развлечений, “шоу-бизнесом”: это — “дворовые” слуги, танцоры, актёры, декламаторы, одним словом, люди театра, люди игры... Таким образом, начав данное рассуждение с совсем иных позиций, мы подошли к тому же пониманию игры как господствующей формы культуры Нового мира.

Ответ России на вызов времени: стратегия технологической конверсии. М., 1997; *он же*. Геэкономическая безопасность России в современном мире. — Рубежи. 1997, №10-11.

* Деньги — как бы своеобразные атомы дольного мира, взятого в его антропологическом, а не физическом аспекте. Познание внутренней сущности материи, ее последовательное разложение на составляющие элементы уже имело следствием изобретение небывалых по силе устройств, например, той же ядерной бомбы. Но также и исследование внутренней природы денег может привести к созданию не менее сокрушительных технологий — финансовых, способных реализовать как собственный “управляемый синтез” (своеобразный “финансовый термомод” — открыв источник неограниченного кредита), так и собственные Хиросиму и Чернобыль.

Обретёт ли человечество в ходе ожидающих его драматичных коллизий какую-то новую социальную перспективу, грянет ли второе дыхание споткнувшейся на исторических подмостках цивилизации, наступит ли “благословенное время мира, когда войны и насилие исчезнут с лица земли” или на планете воцарится постхристианский “век Водолея”? Кто знает... Однако, в любом случае новая культура не станет возвратом к прежней архаике, когда человек традиционного общества был тотально включен в контекст ритуалов, обязанностей, обычаев, был связан ими.

Люди не утратят обретенное однажды ощущение свободной воли, но получат другую “свободу” — без препон использовать *свое-волие* в целях, соотносимых с новым проектом жизнеустройства. Человек Нового мира, обитатель поднимающегося из вод истории неведомого континента неоархаики, подобно своим прародителям будет волен прочертить на безмерном небосводе свободы собственный произвольный горизонт бытия. Однако в конце концов, основной конфликт выбора и главный вопрос неизбежно сведется для него все к той же роковой, от века раскалывающей человечество дилемме: *свобода для страстей* или *свобода от них*.

